

18+

Сергей Орст

**ЧУВСТВЕННЫЕ
ИСПЫТАНИЯ**

три новеллы из жизни Павла

Сергей Орст

**Чувственные испытания.
Три новеллы из жизни Павла**

«Издательские решения»

Орст С.

Чувственные испытания. Три новеллы из жизни Павла /
С. Орст — «Издательские решения»,

Представленный сборник новелл является логическим продолжением моего сборника рассказов «Пашкины истории». Несколько эпизодов из жизни уже взрослого Павла, в которых судьба чувственно проверяет его на прочность. Главного героя в первой новелле испытывают память и любовь. Вторая новелла повествует об испытании прошлым. А в третьей — судьба предлагает пройти испытание родной кровью...

Содержание

ЧУВСТВЕННЫЕ ИСПЫТАНИЯ	6
А ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Чувственные испытания Три новеллы из жизни Павла

Сергей Орст

© Сергей Орст, 2026

ISBN 978-5-0069-7804-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧУВСТВЕННЫЕ ИСПЫТАНИЯ три новеллы из жизни Павла

А ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ... новелла

«Per aspera ad astra».
(Через тернии к звёздам)
Луций Анней Сенека

— Эй! Закурить есть?.. Эй, чувак, ты чё, глухой? Закурить есть, спрашиваю?

— Нет! — коротко и слишком вызывающе ответил он.

— А чё так? Жалко, что ли? Или спортсмен?

К нему развязной походкой подошёл парень в дутой короткой куртке и тёртых джинсах. За спиной парня стояли ещё двое.

— Жалко у пчёлки в попке! — бесстрашно, что в данной ситуации было вовсе глупо, ответил молодой прохожий.

— Че-е-во-о?! Чё борзой слишком? А может, бегать быстро умеешь? — угрожающе продолжил гнусавить парень.

Компашка из троих гопников медленно окружала его поздней ночью на рубеже осени и зимы в сквере недалеко от станции метро...

Он вышел из вестибюля на улицу в начале второго часа ночи. Вход на станцию был в столь поздний час уже закрыт, и общественный транспорт до его дома, разумеется, не ходил. С неба вот-вот пойдёт второй за этот только наступивший декабрь снег, добавив белизны припорошённым улицам. Подняв воротник, молодой человек сунул руки в карманы своей кожанки и быстро зашагал по кратчайшему пути к дому. Он совершенно не думал о том, что в близлежащем к метро сквере вечерами собираются сомнительные компании, а нормальные прохожие идут по освещённому проспекту, минуя потенциально опасное место. Его не волновало это напрочь, все его мысли были заполнены произошедшим минувшим вечером, да, и вообще всей прошедшей, похоже, никчёмной собственной жизнью.

Паша, почти двадцатилетний парень, студент второго курса исторического факультета университета возвращался этим поздним пятничным вечером от своей девушки. Настроение у него было пресквернейшее. Его грызло чувство абсолютного разочарования. Нет, не в личности той девушки, даже не в том, что ради неё он фактически рисковал вылететь из универа, не сдав зимнюю сессию, и вовсе не в том, что всерьёз подумывал жениться на этой Насте. Он разочаровался в самой жизни-злодейке. В её жестокости, в её несправедливости, в её глумлении над ним самим. Размышляя над всем, произошедшим с ним за минувшие почти три года, находясь в подавленном состоянии, не сразу услышал обращённый к нему вопрос гопников.

Пашке не везло в жизни с барышнями. Хотя невезением нельзя было назвать его большое стремление к настоящей любви. С самого детства он влюблялся в девочку, трепетно сохраняя втайне от всех свои чувства. Наконец, после многих проб и ошибок, судьба подарила ему сумасшедшую любовь, бурную, взаимную, но она же и отобрала её у него. В выпускном классе Паша по-настоящему искренне влюбился в маленькую невзрачную, даже некрасивую внешне одноклассницу. Огненно-рыженькая, с косыми, смотрящими в разные стороны голубыми глазами девушка оказалась не заурядной дурнушкой-замухрышкой, а очень чувственной и интересной личностью с глубоким внутренним миром. И, как оказалось — она также без памяти влюбилась Пашу. Впервые в своих юных жизнях испытывая самые нежные чувства друг к другу, случилось так, что вопреки раннему возрасту ребята осуществили свою любовь. Скрывая это значимое для них событие, они были безумно счастливы, думая, рассчитывая, будучи абсолютно уверенными, что проживут вместе всю жизнь до старости, планируя, поженятся всего-то через год, как только позволит закон. Им обоим было лишь по семнадцать. Но судьба-злодейка распорядилась совершенно иначе. Спустя три месяца безмерного взаимного счастья, их вместе случайно застал её отец. Суровый родитель сначала избил Павла, а после вознамерился посадить его за близость с несовершеннолетней дочерью. Вдобавок, всерьёз угрожал сделать так, что парня на зоне обязательно убьют и закопают на тюремном кладбище, как бешеную собаку. Настолько близко к сердцу чувственная и трепетная девушка восприняла эту угрозу своему любимому, что, защищая Пашу от неминуемой гибели в тюрьме, сама бросилась из окна четырнадцатого этажа своей квартиры. Павел, еле справился с таким ударом судьбы, но, получив предсмертное письмо своей возлюбленной, взял себя в руки и поступил в университет, выполнив последнюю волю покинувшей этот мир девушки, отдавшей свою жизнь ради его жизни.

Первый курс начался для Павла блёкло. Весёлая студенческая жизнь не радовала его совсем. Наоборот, чем больше он погружался в занятия, в науку, решив последовать совету родителей всецело отдаться учению, тем больше Паша терял вкус к жизни, делая всё на автомате, без огонька, без души. Проходили месяц за месяцем. Минула первая сессия, которую он сдал отлично, но никак не порадовался этому. Пашу всё сильнее и сильнее грызло безумное чувство вины перед своей девушкой, которая покончила собой, спасая никчёмную, не нужную теперь ему самому жизнь. Он винил себя в том, что не смог предвидеть последствий той оплошности, которую они вместе допустили, когда их застал её отец. Паша люто обвинял себя в том, что не смог удержаться от первой близости с девушкой, когда они оказались наедине, поддавшись обоюдным сильным чувствам. Главное, он терзался тем, что первоначально очаровавшись той невзрачной тихой девушкой, особенно её прелестной, как оказалось на первом уроке физкультуре фигуркой, а ещё необычными лазурными глазами, обрамлёнными золотистыми ресницами, похотливо пожелал затащить её к себе в постель. И пусть он позже искренне полюбил эту девушку и выбросил из головы свой прежний кобелиный план, собираясь сохранить её невинность до самой свадьбы. Не случилось. Не сдержался. Они вместе не смогли, да и не захотели противостоять собственной любви...

Преподаватели, отдавая должное способностям Павла, никак не могли взять в толк, что такое творится со студентом. Совершенно нелюдимый парень дисциплинированно выполнял все задания, присутствовал на всех лекциях и практиках, но ни с кем не общался, никто даже не мог вспомнить, улыбался ли тот когда-нибудь. Однажды с Пашей попытался поговорить куратор курса, которому поручили выяснить, что такое творится с прилежным на удивление студентом.

— Павел, — начал по-отечески разговор пожилой доцент, — что с тобой происходит? Ты на отлично сдал зимнюю сессию, да и сейчас выполняешь все задания хорошо. Я знаю, что у тебя есть шансы получить два предстоящих летом экзамена автоматом. Но с тобой что-то не то. Ты ни с кем не дружишь, не общаешься, о тебе толком никто не знает, лишь видят твои действительно недюжие способности. Единственное что, избегаешь общественной нагрузки. Поделишься, что не так?

— Нет, — коротко ответил Паша и добавил, — простите, я больше вам не нужен? Тогда я пойду, завтра семинар по древнему миру, мне нужно готовиться.

Не дождавшись никакого ответа от куратора, Павел развернулся и быстро зашагал прочь по широкому коридору учебного корпуса. Куратор пожал плечами, вернувшись к своим делам.

Наступал апрель. Паша становился всё мрачнее с каждым днём. Родители, зная, что близится годовщина гибели девушки их сына, боялись напоминать об этой трагической дате, пытались как-то отвлечь и вернуть Пашу к жизни. Но им никак это не удавалось.

Близкий друг детства, одноклассник Мишка этой весной собрался в армию. Его возлюбленная, тоже одноклассница Светка оставалась ждать. Ребята были единственными свидетелями любви той Полины и Павла, зная, что те стали близки, ведь сами сблизились в выпускном классе. Третьего апреля друг пригласил к себе Пашу на отвальную. Мишке удалось попасть в первую волну призыва, и четвёртого числа он должен был отбыть в часть.

— Пашка, — Мишка в прихожей своей квартиры шепнул на ухо другу, — жизнь продолжается, пожалуйста, не кисни. Мне больно видеть тебя таким. Давай проходи и будем веселиться.

— Я постараюсь, Мишка, обещаю тебе, — тихо ответил Паша, пытаясь улыбнуться, — я постараюсь.

Первый раз в жизни Паша попробовал алкоголь. Ведь он совершеннолетний парень, а друга нужно достойно и весело проводить в армию, как говорили, радостно поднимая тосты, гости. Буквально после двух рюмок та длительная мучительная тяжесть внутри Павла внезапно почти исчезла. Он сначала несмело, а потом активнее стал улыбаться, принялся шутить. Продолжая наливать себе, Паша словно сорвался с катушек, веселясь, как последний раз в жизни.

— Слушай, друг, — сказал тоже хмельной Мишка, — пожалуйста, тебе уже хватит.

— Ты чего, — отгалкивая его, почти кричал чуть заплетающимся языком Пашка, — мой друг уходит в армию! Ты должен служить доблестно, а мы тебя все провожаем! А какие же проводы без веселья? Налей ещё всем! Мы выпьем за тебя, друг! Ты же мой самый-самый лучший и верный друг!

У Паши в глазах внезапно заблестели слёзы, а он продолжил громко говорить в хмельном угаре:

— Светка, иди сюда, подруга. Пообещайте мне ребята, что, как только Мишка вернётся из армии, вы поженитесь! Обязательно поженитесь! Обещайте!

— Паша, — Света, немного стесняясь гостей, попыталась отшутиться, — пусть сначала Мишка вернётся ко мне.

— Что значит, вернётся к тебе? — гремел Паша, у которого глаза полностью наполнились слезами, но он их и не замечал. — Конечно, вернётся! Это мне больше не доведётся никогда, а вам обязательно надо сохранить любовь!

— Пашка, — Мишка приобнял пьяного друга, — какие твои годы, всё у тебя будет хорошо!

Собравшаяся тем вечером у Мишки компания прекрасно знала трагическую историю Паши, все помнили, что завтра наступит первая годовщина гибели той Полины, и все старались не касаться такой чувствительной темы. Но Паша сам вдруг напомнил об этом, а дурак Мишка не сообразил, как уберечь друга от срыва. Он даже не мог предположить, что эта вечеринка так окончится.

— Всё будет хорошо?!! — заорал Паша, лицо его внезапно окрасилось в угрожающе лиловый цвет, а вены на шее и висках вздулись. — Год назад моя Поинка погибла!!! Какое хорошо?!! Ты соображаешь, что говоришь?!! Я виноват в том, что ты со Светкой не погулял на нашей с Поинкой свадьбе!!! Как же может быть после такого хорошо?!! Нет, и не будет никогда больше хорошо!!!

— Погоди, Пашка! Жизнь продолжается...

— Чего погоди, Миша?!! — парня мелко затрясло и полились слёзы, под воздействием алкоголя Паша, надрываясь быстро осипшим от крика голосом, вываливал на язык всё, что держал в себе весь последний год, всю ту огромную мучительную боль. — Какая жизнь?!! Я вообще не понимаю, зачем живу, зачем учусь, для чего?!! Только ради исполнения моей клятвы на могиле Поинки?! Живу только ради её наказа мне, чтобы я жил! Понимаешь? Но я не знаю, зачем? Зачем мне всё без неё?!! Зачем без моей Поин...

Паша на полуслове покачнулся рядом с Мишкой и неожиданно принялся оседать на пол. Его подхватила Светка, но их друг сполз вниз, внезапно затихнув. Кто-то из гостей подскочил к Паше, помогая ребятам оттащить вялого парня в ближайшее кресло. Всем показалось, что Паша просто пьян и забузил, вспомнив свою прошлогоднюю трагедию. Паша шевельнулся, открыл глаза и что-то забубнил нечленораздельное почему-то только левой стороной рта. Глаза его выразили испуг, он попытался вскочить и тут же упал на пол, словно правая его нога отсутствовала.

— Ребята, звоним в скорую, — выкрикнул кто-то из гостей, — у моего деда был подобный приступ.

— А что с ним было?

— Инсульт разбил.

— Да, ты гонишь, какой инсульт, Пашка-то молодой пацан.

— А я чего, врач что ли?

Приехавшая скорая помощь спешно забрала бессознательного уже Пашу в больницу. А Мишка сразу оповестил родителей друга о произошедшем.

Следующий месяц Паша провалялся в больнице, оправляясь от внезапно разбившего его инсульта. Врачи вообще удивлялись столь молодому пациенту с подобным недугом, но именно юный организм помог парню выкарабкаться из такой передрыги. Родителям удалось добиться в университете академического отпуска для сына, хоть правилами и не предусмотрено предоставление такового студентам первого курса. Декан пошёл навстречу хорошему студенту, после того, как отец Паши посветил его в проблемы сына, взяв обещание с руководителя факультета о нераспространении этой личной информации.

— Ну, что, дружок, — сказал Паше лечащий врач, когда выписывал парня из больницы, — тебе повезло, что так отделался, но запомни на всю жизнь три нельзя и три надо, иначе, долго не протянешь. Итак, пить нельзя, кстати, алкоголь и спровоцировал инсульт. Первый раз пил что ли?

— Первый, — смутился Паша.

— Ну, значит, и последний! Так, дальше, курить нельзя, а также баню, ровно, как и слишком жаркий климат. Запомнил?

— Как нельзя баню, а мне нравится она.

— Если хочешь, чтобы вынесли из неё вперёд ногами, что ж, валяй, но я тебя предупредил. Понял?

— Да.

— А вот, что нужно, так это вести здоровый образ жизни, не нервничать и умеренно тренироваться без диких физических нагрузок. Ясно?

— Ясно, а этот чудный гул, больше похожий на тихий невысокий писк в голове пройдёт? — поинтересовался Паша.

— Может, да, а может, и нет, скорее всего, не пройдёт. Свыкнешься. Тебе полезно нагружать мозг умственной деятельностью, но ты студент, восстановишься и учишься. Хорошо ещё изучать языки, а также выполнять какую-нибудь мелкомоторную работу, причём, всё это на протяжении всей жизни. Понимаешь?

— А к мелкой моторике относится вязание?

— Ещё как относится. А ты умеешь вязать? Очень хорошо, то, что надо.

— Да, бабушка в десять лет научила, а мне понравилось. Только я стесняюсь этого, и мало кто знает. Женское какое-то занятие.

— Ерунда всё. Мой отец говаривал, что настоящий мужчина должен уметь делать всё, кроме двух вещей. Знаешь, каких?

— Нет.

— Рожать и вскармливать своим молоком детей. Так что для мужчины не существует, как ты сказал, женского занятия. Теперь следуй моим рекомендациям, я тут в выписке всё написал, и через полгода вернёшься к полноценной жизни.

— А рука восстановится? — опасливо спросил Паша, показывая чуть скрюченную параличом правую кисть.

— Делай всё правильно, а главное, желай поправиться. Мне, как врачу говорить такое не к лицу, но сильное желание пациента жить творит, порой, истинные чудеса. Давай, будь здоров!

Первым делом после выписки, Паша отправился на кладбище на могилу своей Полинки. Он положил на могильный камень две свежих ромашки, цветок, который так любила его девушка.

«Прости, что не смог быть у тебя, — шептал Паша, — я, как дурак себя повёл, вот и поплатился. Ты хотела, чтобы я жил, и я буду жить, обещаю тебе».

Он немного посидел у могилы, затем встал и, прихрамывая на плохо ещё слушавшуюся правую ногу, полон решимости начать жить иначе, отправился домой.

Поставив себе задачу восстановиться физически к концу года, Паша возобновил тренировки по каратэ, которым занимался в старшей школе. Сам, по памяти, дома, потихоньку выполнял каты, возвращал растяжку. Ещё упорно играл на гитаре, хоть правая рука упрямо не слушалась, и звуки извлекались плохо. Достал бабушкины спицы и принялся вязать, с трудом, чертыхаясь, что не получается, но медленно и верно приводя тело в норму.

Паша взялся за ум, словно захотел возродиться из пепла подобно птице Фениксу. Возможно, сам решил, а скорее всего, после получения первого письма от Мишки из армии. Родители принесли конверт в больницу, когда зрение вернулось к сыну. В письме друг очень беспокоился не только за физическое состояние Паши, а больше за его душевное здоровье. Мишка был всегда бесхитростным и прямолинейным человеком, говорил то, что думает. Если весь минувший год ни родители, ни друзья старались не напоминать Паше о трагедии с Полиной и, особенно, о её предсмертном письме, то теперь Мишка взял и написал:

«Пашка, ты дурак, если не сказать хуже, ты предатель. Да-да, самый настоящий предатель! Ты что это творишь? Как ты можешь так наплеватьски относиться к своему здоровью и к своей жизни вообще? Ты забыл, что тебе завещала Полина перед смертью? Забыл! Вот я напомню, она хотела, чтобы ты жил и обязательно был счастлив. Вспомнил? Достань её письмо, перечитай! Это что получается, ты плюёшь на себя, на свою жизнь, едва коня не двинул у меня на отвальной. Выходит, что ты предаёшь память своей Полины. Ну, так? Зря она, получается, тебя, дурака спасла ценой своей жизни, раз ты не дорожишь этой самой своей жизнью. Вот я и говорю, ты предатель, предатель своей любимой! Извини, но я пишу, как есть. Поэтому перестань быть размазнёй, будь мужиком и возьми себя в руки. А то развёл нюни, как баба! Полина была и останется твоей любимой на всю жизнь, она стала частью тебя, но это не значит, что ты не сможешь найти место в сердце для другой. Только тогда ты исполнишь завещание

Полины. Значит так, чтобы к моему возвращению из армии нашёл себе девушку (а может, к тому времени уже и не одну), иначе, не пушу тебя на свою свадьбу со Светкой. Понял?»

Уже после больницы Паша несколько раз перечитывал это письмо от Мишки и то предсмертное от Полины. Ему и до этого родители говорили подобное, но он, слушая их, не слышал самой мысли. А теперь слова Мишки дошли до него, он действительно почувствовал себя гнусным предателем памяти своей первой женщины и не захотел таковым остаться.

Единственное, что портило Паше жизнь, так это периодические внезапные приступы дичайшей головной боли, сопровождающиеся кратковременной потерей зрения. Ни с того, ни с сего, совершенно спонтанно у Паши начинало пропадать зрение. Элементарно не мог прочесть ни слова. Обычно мы читаем не по буквам, как первоклассники, а видим слово целиком, словно азиаты иероглиф. Когда у Паши начинался приступ, то он не мог увидеть даже следующую букву, правее той, на которую смотрел. В правой части поля зрения переливалось радужное пятно, постепенно затмевая всё. Пашка слеп буквально на полчаса, затем зрение возвращалось, но начинала болеть голова с одной стороны, да так, что не помогало ничего. Парня от боли почти без остановки выворачивало на изнанку, а сам он лежал, скрючившись калачиком, закрыв глаза от света и уши от звуков, причинявших невыносимые страдания. Так продолжалось часов пять-восемь, и боль постепенно отступала. Врачи толком не знали, как от этих внезапных приступов избавиться, но смогли посоветовать лекарство, способное снимать первые симптомы. Отец достал тот препарат, и Паша не выходил без него из дома.

К Новому Году в здоровье Паши произошёл большой прогресс. Все двигательные функции восстановились полностью, частота приступов заметно снизилась, и парень вплотную приступил к занятиям, чтобы восстановиться на второй семестр первого курса. Слова Мишки о предательстве не выходили из головы, а тут ещё с осени старый приятель из класса, второй друг Лёнька вдруг проявил особую заботу о Пашке. Они были в школе закадычными друзьями Мишка, Пашка и Лёнька. Вместе учились, вместе хулиганили, вместе отвечали за это. Потом Лёнька ушёл в училище после восьмого класса и редко виделся со старыми друзьями. Бывал на днях рождениях, так иногда собирались. Лёньку науськал Мишка письмами из армии, чтобы тот позаботился о друге. Ну, Лёня и проявил инициативу. Он принялся таскать Пашку по разным злачным вечеринкам с девчонками. Строго следил, чтобы друг не выпивал, но Паша, памятуя слова врача, и не собирался больше, к тому же ему не особо-то понравилось тогда у Мишки. В тех шумных компаниях Пашка чувствовал себя свободно, заряжаясь положительными эмоциями, ведь никто не акцентировал внимание на его хромоту и слегка не слушающуюся правую руку после инсульта. Он догадывался, что друг Лёнька подговаривал всех общаться с ним, словно Пашка здоров и полон сил.

Наступило лето. Паша сдал успешно сессию, перейдя на второй курс. Ожил, уже давно вновь смеялся и улыбался, но вот к девушкам никак не мог подойти сам и не подпускал к себе. Будто боялся. Он всю жизнь относился к девушкам уважительно и терпеть не мог пренебрежительного отношения к ним, а ловелас Лёнька менял девчонок, как перчатки, пытаясь то одну, то другую подсунуть Пашке. Лёнька много позже признался, что это был их с Мишкой план, найти другу какую-нибудь девушку хоть на одну ночь, хоть на один раз. Друзья были уверены, что Паше просто необходимо переспать с женщиной, чтобы сбросить накопленное эмоциональное напряжение. Наивный Паша тогда не понимал, что ему просто ищут девушку для сексуальных утех, чтобы отвлечь, не более. Однако никто из предлагаемых Лёнькой барышень не привлекали Пашу. Слишком активны и резвы были девушки, чем отпугивали скромного парня. На помощь пришла Светка, точнее, её идея. Она написала своему жениху в армию о том, что Паша наверняка сможет сблизиться только с девушкой, которая напомнит ему Полину.

«Ну, и задачку твоя Светка задала, — ответил в письме Лёнька Мишке, — я же не видел эту Полину, а Пашка фото мне не покажет, наверное. Но я понял идею, чего-нибудь придумаю».

Как-то придя к Паше в гости, Лёнька попросил рассказать о Полине.

— Зачем? — погрузнев, спросил Павел.

— Я не знал твою Полину, но много слышал. Расскажи, столько времени прошло. Мы же друзья.

В тот день Паша многое поведал Лёньке, даже показал фотографии Полины. Лёня для себя отметил невзрачность девушки, даже её объективную некрасивость, а он всё старался найти для друга симпатичных и контактных барышень на свой вкус.

Подгадав, когда работающие врачами родители Пашки уйдут на дежурство в больницу на сутки, ближе у вечера Лёнька заявился двумя девчонками под ручку.

— Здравсьте вам! — весело с порога пропел Лёнька. — Мы к тебе. Пустишь?

— Здравствуйте, — отозвался Паша, немного застыв при виде молодых девчат, особенно от вида одной.

— Павлик, — томным голосом сказала знакомая Лёни последней пары месяцев брюнетка Ирочка, — вот познакомься, Миля.

— Проходите, — проямлил Паша, совершенно не ожидая увидеть рыжую конопатую девушку невысокого роста в короткой юбке без колготок и в облегающем топике с открытой талией.

Миля первой переступила порог квартиры, скромно и тихо поздоровавшись.

Все четверо сидели и смотрели какой-то фильм на видике из домашней фильмотеки Пашиной семьи, попивали чай и кушали принесённый Лёнькой торт. Паша сто раз видел эту картину и украдкой посматривал на Милю. Он был равнодушен к рыжим девушкам, ведь они напоминали ему Полину, первую в его жизни познанную женщину, те яркие чувства, те незабываемые ощущения. И тут Павел смутно почувствовал, но не признался сам себе, что давно не был с женщиной, как мужчина, чуть ли не позабыл, каково это. Его неожиданно для себя влекло к этой милой Миле, сидящей в кресле напротив телевизора. Из раза в раз, взгляд Паши настойчиво обращался к её бледной конопатой коже, к стройным закинутым одна на другую ногам, едва прикрытым джинсовой мини-юбкой, к её груди, затянутой в проступающий сквозь лёгкий полупрозрачный топик чёрный кружевной лифчик. Она пробуждала в нём глубоко скрытый древний инстинкт. Он тут же отводил взгляд от Мили, твёрдо намереваясь больше не смотреть на неё. Однако через пару минут снова разглядывал девушку, внутренне ругая себя за слабование.

Взгляды Паши говорили сами за себя — он просто голоден, очень голоден, как мужчина, который давно не был с женщиной. И это однозначно определили и Ирка, и Лёнька, их план, похоже, шёл, как надо, хотя сам Павел не осознавал в полной мере собственной такой озабоченности. Он по-прежнему сторонился девушек, не желая разумом сблизиться с ними. Но его тело чувственно требовало обратного. Незаметно для хозяина квартиры Лёнька и Ирка кивнули друг другу головами, разыграв перед ничего не подозревавшими Пашей и Милей дикий скандал. На какой-то ерунде, взятой из сюжета фильма, они бурно поссорились. Ирка даже врезала Лёньке звонкую пощёчину и первой ушла из гостей, хлопнув дверью.

— Паша, Миля, — играя виноватого, проговорил Лёня, — простите, я тоже пойду, попробую помириться с Иркой.

Пашка не догадался о заговоре, лишь много позже узнал о такой сложной заготовке друзей. Ничего подобного не ожидающая Миля оказалась наедине с Пашей вечером, но не смутилась, не заспешила уходить. Ей очень понравились скромность и нерешительность едва знакомого парня, пришлась по душе его приятная внешность и манеры, ведь все её прежние молодые люди и мужчины были более наглыми и простыми, добываясь от неё только лишь секса. Миля

не хотела пока заводить серьёзных отношений с мужчинами, думая, что ещё успеет, ведь недостаток в их внимании она вовсе не испытывала. И она первой сделала шаг навстречу, чувствуя смятение паренька.

— Слушай, Паш, — начала она говорить нежно, когда кино окончилось, — мне Ира говорила, что ты умеешь играть на гитаре и поёшь. Это правда?

— Да, — ответил он, включая свет в комнате и намереваясь вынуть видеокассету из видеомэгнитофона.

Паша совершенно не заметил игривого намёка в тоне Мили, он оставался в роли радушного хозяина, принимающего гостя. Он даже и не думал ничего такого иметь с едва знакомой девушкой, просто сохранял хорошие манеры, заложенные ему с детства.

Однако в свете люстры Миля неожиданно ещё больше привлекала Пашку. Особенно её большие выразительные зелёные глаза, умело и не вызывающе подведённые косметикой. Девушка не была красавицей, но и не казалась уродиной. Обычная молодая женщина, следящая за своей внешностью. От чего-то у Паши участилось сердцебиение, после своего утвердительного ответа.

— А можешь спеть что-нибудь? — попросила она, встала с кресла и добавила, мило улыбнувшись. — Пожалуйста.

От Паши не ускользнуло, как Миля очень сексуально, но не нарочито, а естественно поправила свою юбочку, покачивая бёдрами из стороны в сторону. И девушка сразу поняла, следя за взглядом парня, что её движения и тело будоражат мужчину в этом симпатичном молодом человеке. Она подошла ближе и взяла Пашу за руки и произнесла почти шёпотом:

— Я очень прошу тебя, Паш, спой мне.

Она окатила его приятным нерезким ароматом духов, ещё усилив биение сердца Паши. Он чаще задышал, стараясь не подавать вида и скрыть своё волнение, но это ему не удалось. К лицу парня прилило тепло, а Миля всё чутко подметила, ещё очаровательней улыбаясь.

Впервые больше, чем за два года до него дотронулась девушка, впервые за всё это время он остался наедине с ней. От этого Паша гуще покраснел и, почувствовав, как окончательно запылало его лицо, нежно освободился от рук Мили и вышел из комнаты со словами:

— Я сейчас, только за гитарой схожу.

Он принёс инструмент, присел на диван. Миля снова сидела в кресле рядом в очень соблазнительной позе, но совершенно без вульгарности и вызова. Паша опять задержал на ней свой взгляд, в который раз отметив достоинства девушки. Заставив себя отвести глаза, он сделал вид, что ему требуется смотреть на игру левой руки на грифе гитары, хотя, как опытный музыкант обходился без этого. Откашлялся и принялся петь арию Трубадура «Луч солнца золотого» из «Бременских музыкантов». Пока он пел знаменитую песню, девушка, не ожидая такого действительно хорошего исполнения от парня, искренне восхитилась им.

— Слушай, Паш, — снова ближе подошла Миля, когда песня окончилась, и присела на корточки перед Пашей, плотно сжав очень соблазнительные коленки, — ты замечательно поёшь, у тебя такой приятный голос, что у меня даже мурашки пошли. Хочешь почувствовать их?

— Нет, — чуть испугавшись, быстро ответил Паша, откладывая в сторону гитару, — я тебе верю.

Ты что, боишься до меня дотронуться? — таинственно зашептала Миля.

— Ну-у..., — замямлил парень густо краснея.

— Неужели ты девственник? — удивлённо спросила она.

— Нет, что ты! Просто я... очень давно... ну, это... — заплетаясь, ответил Паша.

— Тем более, не бойся меня, я не кусаюсь, даже, наоборот. Я же вижу, ты хочешь меня потрогать, — тон у Мили становился всё соблазнительней и соблазнительней.

Миля встала на коленки перед сидящим на диване Пашей и положила обе руки ему на бёдра, нежно погладив их. Эти поглаживания вызвали в теле Паши бурную цепную реакцию, и его джинсы предательски выдали дикое внутреннее мужское напряжение.

— Я же сказала, что ты очень хочешь, — томно с придыханием сказала девушка, — смотри, как ты завёлся с пол-оборота, едва я до тебя дотронулась.

Миля потянулась руками к пряжке Пашкиного ремня, начиная его расстёгивать. Парень часто задыхался и робко попытался одной рукой помешать девушке, но та весьма настойчиво отмахнулась, продолжив его раздевать. Он сполз рядом к ней на ковёр, обняв за талию, и будто обжёгся об её бледную кожу, о губы, о волосы...

Рыжая барышня не позволила Паше опомниться, как он уже расслабился. Она лишь успела шепнуть ему на ухо, почувствовав в самый ответственный момент, как парень весь напрягся:

«Можно прямо так, я принимаю таблетки».

За оставшийся вечер и наступившую ночь Паша много раз сбрасывал накопившееся напряжение, пока полностью не опустошился.

Проспав остаток утра под одним одеялом с Милей, он проснулся раньше. Первое, что он ощутил, это присутствие рядом женщины. Посмотрев на спящую рыжую девушку, Паша ощутил совершенно гадкое чувство — он занимался сексом, а не любовью. Он тот самый кобель, самец, которому нужна сучка для случки. Несколько раз за минувшую ночь в этой постели ему мерещилась его покойная Полина, с которой в прошлой жизни не провёл ни единой ночи. Паша занимался любовью со своей первой девушкой, она явственно виделась ему во мраке ночи с разбросанными по подушке вьющимися волосами. А, оказывается, банально трахался с этой рыжей шалавой. От этого мерзкого ощущения он стал противен сам себе. Он точно предатель! Предатель памяти своей Полинки! Как же он мог соблазниться?

Паша тихо встал, люто ненавидя себя. Его природная интеллигентность не позволила поступить недостойно с той, которая провела с ним ночь, хотя внутренне захотелось за шкуру вышвырнуть её из квартиры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.